Политика национального единства и примирения в постгеноцидной Руанде: инструменты конструирования идентичности и памяти

Калязина Екатерина Николаевна
студент факультета Управления и политики МГИМО(У) МИД РФ,kalazina_e_n@my.mgimo.ru

В статье рассматривается политика национального единства и примирения, реализуемая правительством Руанды под руководством Руандийского патриотического фронта (РПФ) после геноцида 1994 года. Анализируется, каким образом коллективная травма геноцида была преобразована из общественного наследия в ключевой идеологический и мобилизационный ресурс для построения новой национальной идентичности — Ubunyarwanda. Подробно исследуются институциональные механизмы этой политики: правовые запреты на этнические категории, коммеморативные практики Kwibuka, лагеря гражданского воспитания ingando, реформа системы образования, традиционные суды gacaca, роль государственных СМИ и организаций выживших. Делается вывод, что память о геноциде стала системообразующим фактором политической легитимности режима и социальной консолидации, хотя сохраняются вызовы, связанные с индивидуальным исцелением и восприятием «идеологии геноцида» в обществе.

Ключевые слова: Руанда, геноцид тутси, национальная идентичность, политика памяти, национальное единство, примирение, Ubunyarwanda, Kwibuka, ingando, gacaca, Поль Кагаме, идеология геноцида.

Центральной задачей правительства Руанды после геноцида стало не только восстановление разрушенной инфраструктуры государства, но и радикальное, особое переосмысление самой основы национальной идентичности, а вместе с ней корней и причин произошедшей трагедии. Как отмечается в официальной Национальной политике единства и примирения, принятой в 2020 г.: «Руанда прошла через различные исторические эпохи плохого управления, которые характеризуются разделением и дискриминацией на основе этнической принадлежности, религии, региона проживания и непотизма, что имело разрушительные последствия для социальных отношений» [1, p. 4]. Был взят курс на построение «единой нации, в которой все граждане имеют равные права и свободы», что, в свою очередь, подразумевало отказ от прежней модели идентичности, которая была основана на разделении этнических категорий тутси, хуту и тва.

Интерпретация истории как основа политики единства

В основе этого курса лежит определенная интерпретация истории Руанды, которая активно транслируется и подкрепляется через образовательные, культурные и просветительские программы. Согласно данной интерпретации, в доколониальный период социальные категории тутси, хуту и тва не являлись жесткими этническими группами, а скорее обозначали род занятий или социальный статус, при этом допускалась мобильность — переход из одной категории в другую [2]. В официальной риторике подчеркивается, что «все руандийцы жили вместе, говорили на одном языке и имели одну культуру», это единство было разрушено колонизаторами, которые внедрили политику «разделяй и властвуй» [3, p. 38].

Подобная интерпретация исторических событий выполняет сразу несколько целей. Во-первых, таким образом переносится ответственность за разделение по этническому признаку на внешних акторов, а именно немецких и затем бельгийских колонизаторов. Во-вторых, она позволяет представить геноцид 1994 года не как результат внутренней межэтнической вражды, которая была бы обусловлена историческим развитием, а как итог колониальной политики. Как указывается в докладе Международной организации по реформе уголовного правосудия, «вторая республика», пришедшая к власти в 1973 г. во главе с президентом Хабьяриманой, использовала лозунг «мир и единство». Однако эти прекрасные слова оставались лишь лозунгом и никогда не подкреплялись конкретными действиями [4, p. 94, цит. по: 3, p. 44].

Политика «квот» и «этнического баланса», которая проводилась в период Первой и Второй республик, описывается в официальных документах как систематическая дискриминация тутси, которые были исключены из публичной сферы и образования [1, p. 4-6]. Это создает нарратив о длительной истории страданий тутси, которая началась задолго до 1994 года. Так, например, в официальном постгеноцидном дискурсе так называемая «Социальная революция» рассматривается не как освобождение хуту от гнета, а как начало систематического насилия против тутси, которое в конечном счете и привело страну к геноциду [5, p. 52-53].

Подобная интерпретация истории выполняет ключевую функцию легитимации для современного правитель-

ства Руанды. Руандийский патриотический фронт представляется не как одна из сторон гражданской войны, а как политическая сила, которая смогла спасти страну от продолжения трагедии, когда международное сообщество фактически бездействовало, тем самым получила моральное основание для того, чтобы впоследствии находиться у власти [6, p. 556].

Инструменты конструирования новой идентичности

На основе подобной интерпретации прошлого правительство Руанды выстроило достаточно устойчивый исторический нарратив, который затем стал основой политики единства и примирения. Основной задачей стало построение и продвижение единой руандийской идентичности «Ubunyarwanda», которая бы исключала разделение по этническому признаку [1, p. 27]. Ключевым инструментом этой политики стали юридический запрет и отход от упоминаний категорий «хуту» и «тутси». Они были исключены из публичного дискурса, их упоминание, особенно в контексте, который может быть истолкован или воспринят как «идеология геноцида», стало уголовным преступлением [7, p. 407, цит. по: 3, p. 45]. Закон №18/2008 «наказывает любое лицо, которое публично высказывается, пишет, создает изображения или символы по радио, телевидению, на собрании или в общественном месте с целью дискриминации людей или их разделения на группы» [7, p. 407, цит. по: 3, p. 46].

Подобный нарратив конструируется посредством инструментов различного вида. Среди них можно, например, выделить программу «Я руандиец» («Ndi Umunyarwanda»). Инициатива позиционируется как пространство для диалога, предназначенное для граждан Руанды, целью которого является укрепление национальной идентичности, продвижение чувства доверия и единства, искоренение идеологии геноцида. Программа начала активно внедряться в 2014 г. в рамках правительственной повестки по восстановлению и укреплению национальной идентичности [5, p. 93]. В тоже время программа использовалась в качестве платформы для возложения ответственности за геноцид на сообщество «хуту».

Важную роль в консолидации общества играют и национальные диалоговые площадки. Для политических партий был создан Консультативный форум политических организаций, для гражданского общества — Платформа гражданского общества Руанды, для широкой общественности — ежегодный национальный совет «Umushyikirano», для лидеров государственного и частного сектора — ежегодное собрание «Umwiherero» [6, p. 547]. Подобные механизмы нацелены на содействие продвижению официально сформированного нарратива, национального единства и примирения, путем обеспечения участия всех слоев общества в обсуждении национальной повестки.

Еще одним элементом является реформа системы образования и преподавания истории. После геноцида в качестве одного из приоритетов правительство выделило изменение учебной программы, для того чтобы она больше не отражала колониальный дискурс об этнической идентичности, различиях между этническими категориями «хуту», «тва» и «тутси», так как во многом именно система образования и образовательный процесс, наряду с уже имеющимися противоречиями, косвенно или напрямую поспособствовала началу геноцида 1994 г. [8, цит. по: 3, p. 41-42]. Уже в апреле 1995 г. в Кигали прошла конференция, по итогу которой одной из рекомендаций было введение моратория на преподавание истории до разработки последующих шагов [9, p. 3-4, цит. по: 3, p. 41]. Позже была создана специальная комиссия, ответственная за пересмотр истории Руанды, а в 2006 г. было составлено комплексное справочное пособие для учителей средних школ «Преподавание истории Руанды: инклюзивный подход» [3, p. 41-42]. При этом до 2008 г. преподавание истории в школах было фактически приостановлено, предмет вызывал некоторые опасения из-за сохраняющейся напряженности вокруг вопроса об этничности [3, p. 42].

Наряду со школьным образованием, лагеря гражданского образования «ingando» также могут быть выделены в качестве отдельного инструмента. Название происходит от глагола «kuganda», который обозначает «приостановить обычную деятельность, чтобы найти решение национальных проблем» [10, p. 47, цит. по: 3, p. 42]. Лагеря впервые были введены в 1996 г. и изначально предназначались для интеграции бывших комбатантов и беженцев в повседневную жизнь, однако позже их масштаб был расширен и они начали охватывать студентов, учителей, освобожденных заключенных и лидеров общин [11, p. 16]. Можно выделить несколько категорий людей, для которых было необходимо пройти обучение в «ingando»:

1. группы, воспринимаемые как наиболее не соответствующие официальному дискурсу (бывшие комбатанты, условно-досрочно освобожденные заключенные, люди, недавно вернувшиеся из Демократической Республики Конго);
2. группы, которые должны быть наиболее лояльны официальному дискурсу (элита, учителя, государственные служащие, молодое поколение-студенты);
3. группы, которые воспринимаются как социально-девиантные и нуждаются в социализации [11, p. 16].

Программа обучения охватывает несколько тем, среди которых история страны, социально-экономические вопросы, права и обязанности гражданина, анализ проблем Руанды. При этом история, преподаваемая в лагерях, является той версией, которая подчеркивает, что до прихода колонизаторов среди населения существовало единство, и именно в результате колонизации общество оказалось разделено [3, p. 44]. Внутри лагеря пространство и время строго регламентированы, большое внимание уделяется порядку и дисциплине: существует детальное расписание дня, участникам запрещено пользоваться мобильными телефонами, их группы организованы по военному принципу — разделены на роты, взводы и отделения во главе с командирами, которые называются «kapita» [11, p. 36]. Подобная организация времени и пространства, в совокупности с тем, что все происходит в незнакомой обстановке, располагается в удаленных, изолированных местах в отсутствие связи с внешним миром — усиливает влияние, оказываемое лагерями на участников, а общий опыт, разделяемый сотнями человек, способствует формированию чувства единства и общности. Одинаковые условия для всех исключают любые различия между людьми, что создает ощущение принадлежности к одной социальной группе, что и является главной целью политики национального единства [11, p. 36].

Государственные символы и национальные праздники были пересмотрены: были изменены флаг, герб, принят новый государственный гимн, новая конституция. Национальные праздники были заменены и получили новое значение: так, например, День независимости, который отмечался 1 июля в честь обретения Руандой независимости в 1962 г., был заменен Днем освобождения в честь победы РПФ 4 июля. 7 апреля установлено как дата начала геноцида, также 1 февраля был добавлен день чествования руандийских героев, большинство из которых были членами РПФ или политиками, противостоявшими геноциду [5, p. 101].

Помимо этого, еще одним инструментом транслирования официальной повестки служат коммеморативные мероприятия и практики, связанные непосредственно с памятью о геноциде. «Kwibuka», что в переводе означает «помнить» — официальный период поминовения всех жертв геноцида, который представляет собой механизм воспроизводства новой национальной идентичности и консолидации общества вокруг идеи «никогда больше». Официальный период начинается 7 апреля и длится 100 дней до начала июля, символически обозначая продолжительность самого геноцида [5, p. 57]. Программа 7 апреля включает зажжение «Пламя надежды» [12] Президентом Республики, церемонию возложения венков, «Марш памяти» [13], в котором участвуют тысячи людей из разных социальных групп. Завершает первый день ночное бдение на крупных городских площадках, где участники зажигают поминальные свечи, проводят время вместе [13]. В рамках дней поминовения проходят мероприятия разного рода, направленные на различные группы, а также на разные темы. Проводится международная конференция «Kwibuka» [14], где обсуждаются вопросы предотвращения геноцида и борьбы с идеологией ненависти, чуть позже проходит мероприятие «Наше прошлое», причем часто на мемориальных комплексах, которые находятся в местах, где происходили конкретные трагические события — например, Мемориал геноцида в Ньянзе, в районе Кикукиро, где также проводится дополнительный «Марш памяти» [15]. Неделя поминовения завершается церемонией на Мемориале Реберо, где чтят память политиков, убитых за сопротивление геноциду.

Помимо общенациональных мероприятий, коммеморативные практики охватывают и другие уровни общества. На уровне деревень проводятся локальные церемонии, лекции и открытые дискуссии, посвященные заданной тематике [5, p. 95-96]. Общинные работы «umuganda», которые проходят каждый месяц, часто также приурочены к периоду поминовения и включают благоустройство мемориалов и мест захоронения, помимо общего коллективного труда по благоустройству города и улиц [5, p. 95-96].

В распространении официального нарратива задействованы также средства массовой информации. Правительство использует различные медийные платформы: радио, телевидение, интернет, кино, газеты. Государственные СМИ — например, The New Times, служат основными источниками официальной позиции, транслируя ключевые ценности единства и примирения, а также формируя образ внешнего врага — например, FDLR в ДРК. Они позволяют поддерживать политическую стабильность, одновременно подрывая инакомыслие, так как частные издания, опасаясь преследований и давления, придерживаются самоцензуры и государственной линии [16]. Медиа используются как инструмент для «ребрендинга» страны, отхода от негативного имиджа, связанного с насилием, бедностью, жестокостью, и позиционирования как возрастающего стратегического игрока на международной арене, в частности, страны, которая стремится занять свою собственную нишу — в области миротворчества [17, p. 106, 109].

Роль гражданского общества и организаций выживших также важна. Ключевой организацией выживших является Ibuka, что в переводе с киньяруанда означает «помнить». За более чем 30 лет своего существования (организация была создана 14 декабря 1995 г.) превратилась в уважаемый национальный институт, который ведет работу в области сохранения памяти, поддержки выживших, документирования, предотвращения идеологии геноцида и продвижения единства [18]. Под эгидой Ibuka также функционирует AERG (Ассоциация студентов-выживших после геноцида) и GAERG (Ассоциация выпускников-выживших после геноцида). Несмотря на то, что организации являются некоммерческими и неправительственными, они работают в тесной связи с NURC (Национальная комиссия по единству и примирению) и CNLG (Национальная комиссия по борьбе с геноцидом), реализуют официальный правительственный курс, участвуя в организации официальных церемоний поминовения. Например, на церемонии открытия 32-й годовщины поминовения жертв геноцида 7 апреля 2026 г. к президенту Полю Кагаме и первой леди Жаннет Кагаме на Мемориальном центре геноцида в Гисозе для возложения венков и зажжения «Пламени надежды» присоединились президент Ibuka и представительница Avega (Ассоциация вдов геноцида).

Система традиционных судов «gacaca» — еще одна составляющая политики национального единства и примирения. «Gacaca» представляет собой традиционную форму правосудия, которая основана на участии общины, использовавшаяся в Руанде с 13 века для разрешения общинных и семейных конфликтов [19, p. 16]. Правительство прибегло к использованию подобной системы, так как судебная система страны была практически полностью разрушена: большинство юристов и судей были убиты или же бежали из страны, а судебная инфраструктура была практически полностью уничтожена [20, p. 2-3].

Современные суды «gacaca» сохранили некоторые традиционные черты: судьи избирались из числа уважаемых членов общины, которые не имели никакого криминального прошлого, все члены общины были обязаны посещать заседания. Более того, давать показания на заседания приглашались все, кто пострадал от преступления подозреваемого, так как в отличие от, например, западных судебных процессов, которые сосредоточены на фигуре подсудимого, «gacaca» уделяли больше внимания воздействию действий подозреваемых на общество [21, p. 10]. Большинство судов завершили свою работу к 2010 г., рассмотрев более 1,9 млн. дел [20, p. 4]. Одним из ключевых достижений работы судов стал сбор информации о преступлениях геноцида: так, архив «gacaca» насчитывает около 63 миллионов страниц документов, а также аудио- и видео-контент, включающий более 14 тыс. DVD [20, p. 9]. По данным ООН, около 25% всех приговоров, вынесенных за период работы судов, оказались оправдательными [22], около 9% решений были обжалованы, а 26% из них привели к оправданию [20, p. 11-12], что свидетельствует о достаточной эффективности подобной системы правосудия.

Наряду с этим, суды подвергались и критике: за «фундаментальные нарушения права на справедливое судебное разбирательство» [23, цит. по: 20, p. 5], «несоответствие международным стандартам справедливого судопроизводства, нехватке независимости, беспристрастности и прозрачности» [24, цит. по: 19, p. 20]. Также отмечалось, что рассматриваются исключительно преступления, совершенные хуту, а те, что совершались солдатами РПФ во время и после геноцида, оставались без внимания, что, безусловно, создает восприятие «правосудия победителей» [19, p. 20].

Несмотря на всю критику, суды «gacaca» сыграли значительную роль в постгеноцидном восстановлении Руанды: для всех членов общества был обеспечен доступ к правосудию, собран огромный объем информации о преступлениях, совершенных во время геноцида. Это способствовало восстановлению доверия внутри общества, помогло преодолеть культуру безнаказанности. Именно суды такого формата стали тем механизмом, который был необходим стране, особенно в восстановлении социального порядка в обществе и формировании долгосрочной коллективной памяти.

Результаты и вызовы политики примирения

Консолидация руандийского общества после 1994 г. — это комплексный процесс, основанный на отказе от прежнего этнического разделения для формирования единой нации. Политика национального единства и примирения, проводимая РПФ, представляет собой скорее не просто набор восстановительных мер, а целостную, централизованную стратегию конструирования национальной идентичности, реализуемую «сверху вниз». При этом коллективная травма геноцида 1994 г. используется в качестве основного элемента, вокруг которого с помощью всех перечисленных выше мер выстраивается новая общность. Однако это стало не естественной реакцией общества на травму, а результатом целенаправленной, поэтапной политики РПФ, которая включала в себя множество мер, в результате чего удалось выстроить институциональную, правовую и идеологическую основу для новой идентичности. Процесс коллективного воспоминания и забвения в этом случае сознательно определялся и направлялся государством.

События 1994 г. не были полностью исключены из истории страны, а были превращены в основу внутренней политики, в источник морального авторитета и легитимности режима. В этом случае, источником авторитета действительно стала пережитая трагедия [25]. Память о геноциде стала тем «непрерывным нарративом», который придает смысл существованию государства и отвечает на фундаментальные экзистенциальные вопросы.

Подобный подход позволил преодолеть глубокий социальный раскол и обеспечить необходимый уровень стабильности в стране. Консолидация общества стала возможна, так как государству удалось решить две ключевые задачи: обеспечение достаточного уровня физической безопасности, а также наличие общей цели, которая разделялась большинством граждан. По данным «Барометра единства и примирения» на 2025 г. уровень национального единства достиг 95,3%, что говорит о широком распространении новой идентичности и среди молодых поколений [26].

Отчеты «Барометра примирения» демонстрируют устойчивый рост общего показателя примирения и единства общества. В 2010 г. он составлял 82,3%, в 2015 г. вырос до 92,5%, в 2020 г. достиг 94,7% [27, таблица 2, p. 13], а в 2025 г. — 95% [26]. Анализируются несколько индикаторов, среди которых наилучшие показатели у следующих: «Гражданство, идентичность и ответственность» — 98,6% на 2020 г., «Социальная сплоченность» — 97,1%. 99,4% респондентов заявили, что гордятся быть гражданами Руанды, а 98,2% считают себя в первую очередь руандийцами, а не представителями этнических групп [27]. Подобные результаты коррелируют с официальной политикой единства и примирения, а также программой Ubunyarwanda.

При этом показатель «индивидуальное исцеление» снизился с 88,6% в 2015 г. до 86,7% в 2020 г. [27]. На 2025 г. 45,1% респондентов считают, что «раны, нанесенные геноцидом 1994 г., остаются незаживающими» [26]. 38% респондентов заявили, что некоторые люди все еще придерживаются этнических или дискриминационных идеологий, а 23% считают, что «идеология геноцида все еще присутствует в обществе» [26]. Показатель «расширение прав и возможностей граждан и их участие в управлении» снизился с 89% в 2015 г. до 83,1% в 2020 г. Основное препятствие здесь — то, что некоторые местные лидеры всерьез не воспринимают проблемы граждан, не предоставляют им необходимые услуги [27, раздел 4.4.3, с. 100–103]. В 2025 г. на представлении отчета Комиссии среди факторов, препятствующих окончательному примирению, Министр национального единства и гражданской активности Ж.Д. Бизимана отметил влияние социальных медиа платформ, которые «искажают историю Руанды и распространяют дезинформацию, вводя в заблуждение особенно молодое поколение», а также «отрицание и ревизионизм геноцида», и «вооруженные террористические группы, атакующие страну» [26].

Заключение

Анализ политики национального единства Руанды позволяет выявить несколько важных взаимосвязанных положений. Действительно, тезис о том, что «Руанда сегодня более едина, чем когда-либо прежде», отражает количественные показатели, по крайней мере, официально опубликованные, что свидетельствует об успешности официальной политики. Проблема индивидуального исцеления, которая согласно количественным показателям до сих пор не является до конца решенной, находит отражение и в публичных выступлениях, где, однако, она больше переводится в плоскость «борьбы с отрицанием геноцида» — проблемы, которая занимает центральное место в риторике властей. Подобным образом обосновывается жесткая риторика в адрес внешних врагов, тех, кто отрицает геноцид, а также ревизионистов. В официальной риторике проблема сохранения идеологии геноцида представляется как результат действий внешних сил, а не провал внутренней политики.

Несмотря на это, официальные данные свидетельствуют о значительном прогрессе в области национального единства и построения национальной идентичности. Радикализация официальной риторики как на внутренних мероприятиях, так и на международной арене совпадает с обострением ситуации на востоке ДРК и усилением международного давления на Руанду в связи с ее вовлечением в конфликт. При этом внешняя угроза, которая связывается в публичном дискурсе с темой геноцида, используется для легитимации ответных действий и консолидации общества. Сама память о геноциде становится внешнеполитическим инструментом, с помощью которого страна приобретает определенный моральный статус и авторитет, которые позволяют ей легитимировать собственные действия. Эволюция риторики и ее радикализация отражает укрепление позиций РПФ, а также сохранение за памятью о геноциде центрального места в формировании как национальной идентичности, так и независимого от внешнего признания или одобрения внешнеполитического курса.

Литература

1. Government of Rwanda. National Policy of Unity and Reconciliation. — Kigali : NURC, 2020.
2. Office of the President / Republic of Rwanda. The Unity of Rwandans. Before the Colonial Period and Under the Colonial Rule and Under the First Republic. — Kigali : Office of the President, 1999.
3. Buckley-Zistel S. Nation, narration, unification? The politics of history teaching after the Rwandan genocide // Journal of Genocide Research. — 2009. — Vol. 11, No. 1. — P. 31–53.
4. Penal Reform International. From Camp to Hill, the Reintegration of Released Prisoners. — Kigali : PRI, 2004.
5. Mwambari D. Navigating Cultural Memory: Commemoration and Narrative in Postgenocide Rwanda. — New York : Oxford University Press, 2023. — 256 p.
6. McDoom O.S. Securocratic state-building: The rationales, rebuttals, and risks behind the extraordinary rise of Rwanda after the genocide // African Affairs. — 2022. — Vol. 121, No. 485. — P. 535–567.
7. Waldorf L. Censorship and propaganda in post-genocide Rwanda // The Media and the Rwanda Genocide / ed. by A. Thompson. — London : Pluto Press, 2007. — P. 407–419.

8. Rutayisire J., Kabano J., Rubagiza J. Rwanda: Synopsis of the Case Study. — IBE/UNESCO, 2003.
9. Gasanabo J-D. L'holocaust et le génocide comme thème d'enseignement à l'école: le cas du Rwanda. — Paper presented at the Conference Learning and Remembering: The Holocaust, Genocide and State Organized Crime in the Twentieth Century, Berlin, March 12-15, 2003.
10. Nantulya P. African nation-building and reconstruction: lessons from Rwanda // Conflict Trends. — 2006. — Vol. 1. — P. 47.
11. Purdeková A. Rwanda's Ingando camps: Liminality and the reproduction of power // Refugee Studies Centre Working Paper Series No. 80. — Oxford : University of Oxford, 2011. — 42 p.
12. CGTN News. Kwibuka 25: Never ever again. — URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d674d3567444f33457a6333566d54 (дата обращения: 09.04.2026).
13. Paul Kagame Official Website. President Kagame leads nation in Commemoration of 1994 Genocide against the Tutsi. — 7 April 2018. — URL: *https://www.paulkagame.rw/president-kagame-leads-nation-in-commemoration-of-1994-genocide-against-the-tutsi/* (дата обращения: 09.04.2026).
14. Kamanzi S. At Global Anti-Genocide Forum, a Unanimous Condemnation of DR Congo's 'Tropical Nazis' // KT PRESS. — 8 April 2026. — URL: *https://www.ktpress.rw/2026/04/at-global-anti-genocide-forum-a-unanimous-condemnation-of-dr-congos-tropical-nazis/* (дата обращения: 09.04.2026).
15. AllAfrica. Rwanda: 32 Years Later, Rwanda Remembers. — 7 April 2026. — URL: *https://allafrica.com/stories/202604070077.html* (дата обращения: 09.04.2026).
16. Young A.P. We are all Rwandans: Imagining the Post-Genocidal Nation Across Media. — PhD diss., University of California, Los Angeles, 2016. — URL: *https://beta.escholarship.org/uc/item/18v9b19c* (дата обращения: 09.04.2026).
17. Holmes G., Buscaglia I. Rebranding Rwanda's Peacekeeping Identity: Securitisation, Nation Branding and Public Diplomacy // Rwanda Since 1994: Stories of Change / ed. by H. Grayson, N. Hitchcott. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — P. 105–122.
18. IBUKA. IBUKA30: Our Memory, Our Future. — URL: https://ibuka.rw/events/ibuka30-our-memory-our-future (дата обращения: 10.04.2026).
19. Wielenga C., Harris G. Building peace and security after genocide: the contribution of the gacaca courts of Rwanda // African Security Review. — 2011. — Vol. 20, No. 1. — P. 15–25.
20. O'Reilly C., Zhang Y. Post-Conflict Justice in Rwanda: A Comparative Analysis of Gacaca and Formal Courts // Development Policy Review. — 2022. — P. 1–15.
21. Tezgiden G. THE RWANDA LABORATORY: The Gacaca Mechanism as a Transitional Justice Tool. — 2010.
22. United Nations Development Programme. Closure of Gacaca. — 2022. — URL: *https://www.undp.org/rwanda/news/closure-gacaca* (дата обращения: 15.04.2026).
23. Human Rights Watch. Justice Compromised: The Legacy of Rwanda's Community-Based Gacaca Courts. — New York : Human Rights Watch, 2011.
24. Amnesty International. Rwanda: the troubled course of justice. — 2006.
25. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past: Collective Memory and International Relations / ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. — Washington : Georgetown University Press, 2010. — P. 13–30.
26. The New Times. Unity, reconciliation rise to 95 percent: new report. — URL: https://www.newtimes.co.rw/article/31119/news/rwanda/unity-reconciliation-rise-to-95-percent-new-report (дата обращения: 22.04.2026).
27. National Unity and Reconciliation Commission (NURC). Rwanda Reconciliation Barometer 2020. — Kigali : NURC, 2020.

The Policy of National Unity and Reconciliation in Post-Genocide Rwanda: Instruments for Constructing Identity and Memory

Kalyazina E.N.
MGIMO University

The article examines the policy of national unity and reconciliation implemented by the government of Rwanda under the leadership of the Rwandan Patriotic Front (RPF) after the 1994 genocide. It analyzes how the collective trauma of the genocide was transformed from a shared societal legacy into a key ideological and mobilizing resource for constructing a new national identity — Ubunyarwanda. The institutional mechanisms of this policy are examined in detail: legal prohibitions on ethnic categories, the Kwibuka commemorative practices, the ingando civic education camps, the reform of the education system, the traditional gacaca courts, and the role of state media and survivor organizations. The article concludes that the memory of the genocide has become a system-forming factor of the regime's political legitimacy and social consolidation, although challenges remain regarding individual healing and public perceptions of the “ideology of genocide” in society.

Keywords: Rwanda, Tutsi genocide, national identity, politics of memory, national unity, reconciliation, Ubunyarwanda, Kwibuka, ingando, gacaca, Paul Kagame, genocide ideology.

References

1. Government of Rwanda. National Policy of Unity and Reconciliation. — Kigali : NURC, 2020.
2. Office of the President / Republic of Rwanda. The Unity of Rwandans. Before the Colonial Period and Under the Colonial Rule and Under the First Republic. — Kigali : Office of the President, 1999.
3. Buckley-Zistel S. Nation, narration, unification? The politics of history teaching after the Rwandan genocide // Journal of Genocide Research. — 2009. — Vol. 11, No. 1. — P. 31–53.
4. Penal Reform International. From Camp to Hill, the Reintegration of Released Prisoners. — Kigali : PRI, 2004.
5. Mwambari D. Navigating Cultural Memory: Commemoration and Narrative in Postgenocide Rwanda. — New York : Oxford University Press, 2023. — 256 p.
6. McDoom O.S. Securocratic state-building: The rationales, rebuttals, and risks behind the extraordinary rise of Rwanda after the genocide // African Affairs. — 2022. — Vol. 121, No. 485. — P. 535–567.
7. Waldorf L. Censorship and propaganda in post-genocide Rwanda // The Media and the Rwanda Genocide / ed. by A. Thompson. — London : Pluto Press, 2007. — P. 407–419.
8. Rutayisire J., Kabano J., Rubagiza J. Rwanda: Synopsis of the Case Study. — IBE/UNESCO, 2003.
9. Gasanabo J-D. L'holocaust et le génocide comme thème d'enseignement à l'école: le cas du Rwanda. — Paper presented at the Conference Learning and Remembering: The Holocaust, Genocide and State Organized Crime in the Twentieth Century, Berlin, March 12-15, 2003.
10. Nantulya P. African nation-building and reconstruction: lessons from Rwanda // Conflict Trends. — 2006. — Vol. 1. — P. 47.
11. Purdeková A. Rwanda's Ingando camps: Liminality and the reproduction of power // Refugee Studies Centre Working Paper Series No. 80. — Oxford : University of Oxford, 2011. — 42 p.
12. CGTN News. Kwibuka 25: Never ever again. — URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d674d3567444f33457a6333566d54 (accessed: 09.04.2026).
13. Paul Kagame Official Website. President Kagame leads nation in Commemoration of 1994 Genocide against the Tutsi. — 7 April 2018. — URL: https://www.paulkagame.rw/president-kagame-leads-nation-in-commemoration-of-1994-genocide-against-the-tutsi/ (accessed: 09.04.2026).
14. Kamanzi S. At Global Anti-Genocide Forum, a Unanimous Condemnation of DR Congo's 'Tropical Nazis' // KT PRESS. — 8 April 2026. — URL: https://www.ktpress.rw/2026/04/at-global-anti-genocide-forum-a-unanimous-condemnation-of-dr-congos-tropical-nazis/ (accessed: 09.04.2026).
15. AllAfrica. Rwanda: 32 Years Later, Rwanda Remembers. — 7 April 2026. — URL: https://allafrica.com/stories/202604070077.html (accessed: 09.04.2026).
16. Young A.P. We are all Rwandans: Imagining the Post-Genocidal Nation Across Media. — PhD diss., University of California, Los Angeles, 2016. — URL: https://beta.escholarship.org/uc/item/18v9b19c (accessed: 09.04.2026).
17. Holmes G., Buscaglia I. Rebranding Rwanda's Peacekeeping Identity: Securitisation, Nation Branding and Public Diplomacy // Rwanda Since 1994: Stories of Change / ed. by H. Grayson, N. Hitchcott. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — P. 105–122.

18. IBUKA. IBUKA30: Our Memory, Our Future. — URL: https://ibuka.rw/events/ibuka30-our-memory-our-future (accessed: 10.04.2026).
19. Wielenga C., Harris G. Building peace and security after genocide: the contribution of the gacaca courts of Rwanda // African Security Review. — 2011. — Vol. 20, No. 1. — P. 15–25.
20. O'Reilly C., Zhang Y. Post-Conflict Justice in Rwanda: A Comparative Analysis of Gacaca and Formal Courts // Development Policy Review. — 2022. — P. 1–15.
21. Tezgiden G. THE RWANDA LABORATORY: The Gacaca Mechanism as a Transitional Justice Tool. — 2010.
22. United Nations Development Programme. Closure of Gacaca. — 2022. — URL: https://www.undp.org/rwanda/news/closure-gacaca (accessed: 15.04.2026).
23. Human Rights Watch. Justice Compromised: The Legacy of Rwanda's Community-Based Gacaca Courts. — New York : Human Rights Watch, 2011.
24. Amnesty International. Rwanda: the troubled course of justice. — 2006.
25. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past: Collective Memory and International Relations / ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. — Washington : Georgetown University Press, 2010. — P. 13–30.
26. The New Times. Unity, reconciliation rise to 95 percent: new report. — URL: https://www.newtimes.co.rw/article/31119/news/rwanda/unity-reconciliation-rise-to-95-percent-new-report (accessed: 22.04.2026).
27. National Unity and Reconciliation Commission (NURC). Rwanda Reconciliation Barometer 2020. — Kigali : NURC, 2020.